

И дочь их, Изольда, жила вместе с ними. И была эта Изольда прекрасней всех женщин на свете, и не сыскалось бы в те времена никого, кто превзошел бы ее в искусстве врачевания, ибо ведомы ей были все травы и их свойства. И минуло ей в ту пору четырнадцать лет.

Когда Тристан очутился в гавани, исполнилось радости его сердце, оттого что увидел он перед собой неведомую землю, и еще оттого, что избавил его господь от гибели в морской пучине. Тогда взял он арфу, настроил ее и принялся наигрывать столь сладостную мелодию, что ею заслушался бы всякий, кто ее услышал.

Ведь тогда у рыцарей, томимых печалью, была привычка играть на арфе и петь¹⁵, чтобы разогнать тоску.

Долго играл Тристан и окончил свою игру на грустный лад:

Я сердце потерял, плененный.
Израненный, без рук, без ног,
Я без любви живу, влюбленный.
И что ж! Умру неисцеленный?
Умру, влюбленный, без любви.
Но нет! Велит любовь: «Живи!»
Любовь пытается, сокрушает.
Любовь казнит и воскрешает.
Любовью был мой путь направлен.
Весь век охочусь я за нею.
Себе признаться я не смело,
Что сам я, словно зверь, затравлен.
Однажды счастье посулив,
Любовь мне принесла напасти,
Однако у нее во власти
Останусь я, пока я жив.

Король стоял у окна и слышал эти звуки; видел он и приставшую к берегу ладью, столь дивно оснащенную, что можно было подумать, будто она приплыла из страны фей. Он указал на нее королеве.

– Сир, – молвит королева, – пойдемте и с божьей помощью узнаем, что это такое.

И вот король и королева, одни, без свиты, вышли из дворца и отправились на берег. И слушали Тристана до тех пор, пока тот не кончил игру и не положил подле себя свою арфу.

И тогда спросил он их, как зовется та земля, куда он прибыл.

– Клянусь честью, – отвечает король, – это Ирландия.

Тут пуще прежнего опечалился Тристан, ибо понял, что, если узнают в нем убийцу Морхульты, не миновать ему смерти. И король спросил у него, кто он таков.

– Сир, – молвит в ответ Тристан, – я бедный и больной человек из города Альбины, что в королевстве Лоонуа. Я пустился наугад по морю и прибыл в эту землю в надежде отыскать здесь исцеление от своего недуга. Ибо пришлось мне испытать столько мук и страданий, сколько не доводилось вынести никому, и до сих пор томлюсь я от них так, что лучше бы мне было умереть, чем изнывать от этого недуга!

– Рыцарь ли вы? – спрашивает у него король.

– Да, сир, – отвечает Тристан.

Тогда молвит ему король:

– Оставьте же ваши тревоги, ибо прибыли вы в такое место, где сможете отыскать исцеление: есть у меня дочь, весьма сведущая во врачебном искусстве, и если кому-нибудь суждено вас вылечить, то кому, как не ей, это сделать? Я попрошу ее позаботиться о вас во имя божие и во имя милосердия.

¹⁵ В действительности обязательно обучались игре на арфе профессиональные певцы – жонглеры. Умением играть ни музыкальных инструментах и петь владели лишь редкие представители высшего общества, хотя это считалось благородным занятием; обучение музыке входило в программу подготовки идеального рыцаря, о чем не раз писалось в куртуазных романах и трактатах эпохи, но что крайне редко осуществлялось на деле.